

1945 год

1940-е годы

Нью-Йорк, Таймс-сквер, 1944 год

1940-е годы

1958 год

рых становилась блоком сигарет, отправленных на далекий европейский или тихоокеанский фронт. Все эти сигареты были одной и только одной марки. А потом солдаты возвращались домой, навсегда преданные одному имени, не согласные променять эту терпкую сладость ни на один другой вкус. Ровно двадцать пять лет — с 1941 по 1966 год — один из этих солдатиков, продержался в виде самого знаменитого и самого заметного человеческого образа на самом главном пятачке величайшей из американских столиц. На юго-восточном углу Бродвея и 44-й улицы — это главный рекламный фасад нью-йоркской Таймс-сквер — разместилась восьмиметровая голова «Курящего мужчины», чуть косящего глазами на гигантскую надпись знакомыми буквами справа и словно опирающегося затылком на неизменную пачку слева. В военные годы мужчина несколько раз менял морскую фуражку на каску пехотинца, потом на летное кепи или сержантскую пилотку. С возвращением мира на затылке его опять утвердился шляпа. Но все это время, двадцать четыре часа в сутки, из приоткрытого его рта поднимался легкий дымок, сначала нарисованный на плакате, а в последнее десятилетие пущенный специальной машиной, которая не останавливалась никогда. Под сенью огромного билборда с «Курящим мужчиной» разместился знакомый всему миру стеклянный павильон, где можно было записаться добровольцем в американскую армию на какую-нибудь следующую войну. А над ним поднялись этажи старого отеля Claridge, пропустившего через себя сотни тысяч судеб вчерашних или завтрашних сол-

дат, явившихся завоевывать Нью-Йорк и готовых рвануться на штурм его прямо отсюда — с Таймс-сквер. Это здесь, в Claridge, снимает комнату под номером 1014, с треснутым рукомоиником, высоким зеркальным трюмо и неработающим телевизором, Джо Бак, герой «Полуночного ковбоя». Отсюда его и гонят, оставив в залог за неуплату все ковбойское имущество, вплоть до драгоценного чемодана из черно-белой коровьей шкуры. «Курящего мужчину» в фильме не разглядеть, но есть тут кадр, когда герой молодого Джона Войта распаивает окно, чтобы подышать всею мощью Бродвея, и в окно это откуда-то снизу поднимается странный дымок. Что это за дым, мы знаем. К исходу сорока пяти лет мерного шествия верблюда по Америке и остальному миру, в 1958-м, владельцы R.J. Reynolds безуспешно попытались «чуть-чуть освежить» дизайн гениального Фрица Клесаттеля. Первые партии сигарет в обновленных упаковках, отличающихся более яркими тонами и осовремененным по последней дизайнерской моде шрифтом, были встречены истощенными воплями курильщиков. Негодованию прессы не было предела. Наследников Рейнолдса обвинили в покушении на национальное культурное достояние. Прежний дизайн был возвращен практически немедленно. Радикальные — и долговременные — изменения начнутся и уже не отступят только двадцать лет спустя. Кое-что святое на земле Каролины все-таки остается, и поновления не затронут первоначальную верблюжью породу «straights», она же «regulars», — в мягкой пачке и без фильтра. Зато с середины 70-х

к каравану то и дело станут прибавляться все более странные новомодные разновидности и гибриды. С фильтром, с ментолом, в твердых пачках с откидным клапаном, удлиненные, супертонкие, облегченные, еще сильнее облегченные, вообще без никотина. Оформление претерпевает самые причудливые изменения. Старый Джо уступает место гипертрофированно выразительным мультипликационным персонажам с развратными улыбками и болезненным блеском в глазах. Никаких писающих мальчиков и взлохмаченных львов на боках их не разглядеть... Пирамиды и пальмы пляшут по всему фону, СНОИСЕ переворачивается в зеркале, а из-за сигаретных фильтров нагло высовываются разноцветные призовые купоны. Неделю назад, принимаясь за историю рейнолдсовского каравана, в эти сто лет обошедшего мир и завоевавшего его безраздельно, я пустился по городу в поисках классической пачки «straights». Ведь я не видел мальчика, глядящего вправо, тринадцать лет, с того самого дня, как исполнился решимости расстаться с ним. Я просил советов у ушлых знакомых, я рылся в интернетовских объявлениях, я мучил распросами привокзальных спекулянтов, я поехал в тайный киоск у дверей одного посольства. Но ничего в моем городе не нашел. Конец? Все нет. Караван скрылся за горизонтом, но легенда о нем жива. Ведь я и теперь могу написать о великой марке текст в две тысячи восьмьсот слов, и ни один из читателей не усомнится ни на секунду, о чем именно здесь речь. Хотя на всех этих страницах ни единого раза нельзя будет отыскать имени Camel.